

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2023.66.38.010

Смерть текста как маркер потери смыслов и кода современной культуры

Мамедов Агамали Куламович

Доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: akmnauka@yandex.ru

Аннотация

В статье модулируется понимание «смерти» текста как его деконструкция, дробление и упрощение, когда текст вместо сообщения становится сигналом. В авторской концепции рассматриваются и более современные трансформации его роли и системной организации, приводящие к символической «смерти» через усложнение и переход в гипертекст, а также причины преобразования текста сообщения в нарратив и в участника интертекстуальных отношений; окончательный уход в прагматический аспект информационного обмена в различных сферах. Без «смерти текст», ритуализированного акта при доминировании сетевых форм коммуникации, невозможно его включение в пространство сетевого контента. В современном коммуникативном пространстве после публикации у текста имеется всего два пути: либо он интерпретируется и ретранслируется в таком виде, что неизбежно ведет к инфляции содержания, либо архивируется, что равносильно его «похоронам». В любом из вариантов это равносильно «смерти» изначального авторского текста. Говоря о «смерти текста», автор имеет в виду трансформацию той самой общей концепции (коммуникативного намерения), определяющую функциональность современной текстовой деятельности. Ведущими характеристиками актуальной информации как единицы коммуникации становятся ее триггерный (побуждающий) потенциал и способность выступать сетевым контентом (ликвидность). Признаки, характеризующие текст в традиционном понимании (связность, целостность, т.е. способность демонстрировать качества «системы»), постепенно утрачивают значение в социальной практике.

Для цитирования в научных исследованиях

Мамедов А.К. Смерть текста как маркер потери смыслов и кода современной культуры // Культура и цивилизация. 2023. Том 13. № 8А. С. 80-89. DOI: 10.34670/AR.2023.66.38.010

Ключевые слова

Текст, сообщение, гипертекст, интертекстуальность, прагматика, сетевые коммуникации, информация, деконструкция, сетевой текст, текстовая деятельность.

Введение

Экспоненциальное развитие информационных технологий и становление в какой-то степени «непрочитанной» и неотрефлексированной в культуре новой эры бросили вызов ценностям цивилизации, в первую очередь таким, как практика взаимодействия с окружающим миром, идентичность, культурное наследие, коды ее освоения. «Шок будущего» не только наступил, но и отчасти был пережит, оставив одной из своих проблем «смерть текста», символически обозначенного краха способа передачи опыта в культурной и социальной традиции. Констатация положения М. Хайдеггера о языке как доме бытия, где человек сам в своем слове конструирует свой мир и себя, с необходимостью подводит нас к вопросу о правилах и границах конструирования реальности. В коммуникативной креации реальность претерпевает различные метаморфозы, она многослойна и дискретна, прошлое и будущее наслаиваются друг на друга, создавая чудные и метафоричные конструкторы. Текст как скрипач Шагала предлагает совершить путешествие в полифоничные виртуальные миры, где предлагаются не история как устоявшаяся данность, а фантазийные истории, какими они видятся прежде всего самому автору. Таким образом, цельного текста, каким он был в средневековом дискурсе, больше нет. Предъявляется как альтернатива многослойность текста, «живущего» в собственной системе координат. Порождается множественность зачастую противоречивых истин, текст отходит от реальности, но одновременно текст и его фантазии тоже порождаются действительностью, а значит, являются истинными. Остаются слова, образ, коррелят, ибо текст высказан, опубликован, а реальность есть миг бытия, она мимикрирует.

Основная часть

Особенно остро в современной научной парадигме стоит проблема деконструкции текста, так как фреймирование социального поля и детерминантов этого «дома бытия» определяет тренды социального развития. С позиции теории социальной коммуникации деятельность по воспроизводству текстов рассматривается как ключевой социокультурный механизм включения сознания в социальное сотворчество. В рамках социолингвистики текст как единица социокультурной коммуникации представляет собой особым образом организованную содержательно-смысловую целостность, ибо текст – (это) «система коммуникативно-познавательных элементов, функционально объединенных в единую замкнутую иерархическую содержательно-смысловую структуру (иерархию коммуникативно-познавательных программ) общей концепцией или замыслом (коммуникативным намерением)» [Дридзе, 1980, 49]. Говоря о «смерти текста», мы отмечаем трансформацию целостной концепции (коммуникативного намерения), определяющей функциональность современной текстовой деятельности. Ведущими характеристиками информации как единицы коммуникации становятся триггерный (побуждающий) потенциал и способность выступать сетевым контентом (ликвидность). Такие признаки, которые характеризуют текст в традиционном понимании, как связанность и полнота, т.е. способность демонстрировать качества «системы», постепенно утрачивают значение в социокультурной практике.

В научном дискурсе проблематика трансформации метода развития и сохранения знания была обозначена через проблему научно-методологической мысли в XXI веке. Если для постмодернистов суть научной креации заключалась в сотворении новых концептов и

производстве текстов, то в настоящее время уже «изрекать истину не обязательно; играть в нее на публике – вот цель философа. Современная философия не просвещает, а прежде всего эпатарует. Игра ума, деконструкция сложившихся представлений дает философу базовый символический капитал – известность. Последняя чаще достигается профессиональным артистизмом, основанным на навыке интертекстуальности (важнейший козырь постмодернизма). Интертекстуальность и означает виртуозную демонстрацию собственной игры в среде философов-профессионалов. В этой игре можно обойтись без настоящего философствования (а настоящий философ не обращается к уже готовой философии, он создает свою собственную), его заменяет доведенная до совершенства техника комментирования» [Семенков, Исаков, 2004, 49].

К характеристикам современной текстовой деятельности можно отнести стремление (даже среди добросовестных ученых) к эпатажу ради достижения известности; стремление к интертекстуальности ради повышения персонального статуса; стремление к комментированию вместо создания собственного оригинального текста.

- 1) *Эпатаж*. Признаки: намерение противопоставить себя общественным нормам (оппозиция без программы), манифестация себя, громкие заявления, демонстративный образ.
- 2) *Гипертекст*, понимаемый как утрата текста в смысле, что текст больше недостаточен для коммуникативного повода, что свидетельствует о вырождении внутреннего содержания, субстантивного компонента, значимости для адресата.
- 3) *Комментарии*. Оценка и интерпретация информационного повода как признание того, что у комментатора нет и не будет авторского текста. Символическое убийство в себе автора. Принятие на себя вспомогательной роли в конструировании цепочки инфообмена, т.е. уход от результата ради самого процесса порождения нарратива.

Указанные характеристики свидетельствуют о трансформации прежнего способа ретрансляции широкой публике научного знания – привычного и сложившегося годами способа передачи нейтральных, не окрашенных эмоционально и отчужденных интеллектуально от персонального авторства конгломератов информации, – такими характеристиками должны были обладать верифицированные примеры научных текстов.

Итак, современное гуманитарное наукотворчество переходит/перешло в поле прагматической коммуникации, где наиболее ценным навыком оказывается способность продемонстрировать личный статус и персональный образовательный уровень в форме ведения «терминологических игр», признается его актерами, что в той или иной мере следует более общей модели современной сетевой коммуникации.

Указанные характеристики настоящего бытия текста, вместе с тем, являются свидетельствами его «смерти», поскольку уводят от продуктивной текстовой деятельности. Все это предпочтенное наполнение человеческой жизни, свидетельство той самой «лени» ума, которая «двигает» технологический прогресс. Характеристики человека настоящего и, вероятно, ближнего будущего. Этот процесс не внезапен: начался он с модерна, ибо классики не оставили после себя достойных учеников.

Следует заметить, что ко времени тотального распространения сетевых коммуникаций в коммуникативистике уже произошел переход от понимания коммуникативного акта как передачи сигнала к рассмотрению его как взаимодействия коммуникатора и коммуниканта, как к форме построения информационно заданной реальности. Сетевая коммуникация обладает

особенностями, из которых самой примечательной можно признать способ ее существования во времени, ибо, единожды возникнув, сетевой контент не исчезнет сам по себе. Затихшая дискуссия может возобновиться с новой силой спустя годы, при этом и старые, и новые топики будут рассматриваться как единое информационное пространство. Эта особенность позволяет определить сетевую коммуникацию как самоподдерживающуюся, единственной преградой для которой может стать лишь цензура – пре- и постмодерация в интересах гипотетического администратора. Указанная особенность сетевой коммуникации становится следствием принципа устройства ее модели: «**все (говорят) для всех (которые отвечают)**». Особенная связь с текстом данной коммуникационной модели реализуется собственным специфическим образом. Каждый современный «релизер» предлагает текст, который развивается и дополняется посредством комментариев, но в значительно большей степени *оценивается* коммуникативным сообществом. Таким образом, сетевая коммуникация как текстовая деятельность направлена не столько на выработку коллективного мнения (на рождение «идеального» текста – автор), сколько на сортировку текстов и их оценку, а также ранжирование их релизеров – построение иерархии новой информационной среды общества. При этом наблюдается снижение требований к уровню текстов при росте уровня конкуренции за внимание сетевых пользователей. Так, междометие, смайл, лайк и прочее считаются приемлемым «текстом» в качестве реакции.

Если традиционно коммуникации были направлены на преодоление информационного дефицита, то теперь они существуют в условиях информационного перепроизводства. Человек сам помещает себя в «зеркальную комнату», где обилие информации порождает девиацию восприятия. Успешность в сетевой коммуникации (выражение мнения, распространение событийной информации и т.п.) обеспечивается соответствием критериям привлекательности для ее присвоения путем комментария или иного действия (побуждать перейти по ссылке, подписаться на обновления, т.е. добавить информацию в свое медийное пространство). Кроме того, информационный посыл должен обладать качествами триггера немедленной реализации этой причастности (поставить «лайк» или «поделиться», добавиться в друзья, репостить ссылку, например, вставить ее в свой блог или «на стену» в личный аккаунт).

Интересно, как реализуется в этой связи проблема избирательности восприятия; ведь НТР «... привела к появлению беспредметной, знаковой, экранной среды» [Терентьева 2016: 24]. И без того ограниченный своими органами чувств, охватывающими лишь фрагменты реальности, человек в своей производственной, художественной, досуговой деятельности все больше привязывается к ограничению техническими устройствами, «очерчивающими» объект восприятия, создавая при этом иллюзию полноты и объективности репрезентации. И социальная, и культурная депривация не только и не столько преодолеваются, сколько воспроизводятся в новой среде, а избирательность интереса становится предметом коммерческого использования.

Вопрос атрибуции текста поневоле включает и проблему плагиата. Из парадоксальных переосмыслений значимости атрибуции текста в контексте проблемы плагиата рассмотрим только одну, наиболее яркую работу творческого коллектива «Critical Art Ensemble» (<http://www.critical-art.net/books/ted>), которые провели историческое исследование влияния игнорирования авторского права на культурное и эстетическое преобразование общества. Концепция инверсии «мифа плагиата» в настоящем, спустя пятнадцать лет после выхода работы, свидетельствует о существовании в информационном пространстве вектора отказа от прагматической монетизации ради системного развития общества. По мнению авторов, плагиат

способствует уравниванию культурного, эстетического и интеллектуального потенциалов общества. Обозначенные тенденции не наблюдаются в современном сетевом пространстве посредством роста конкуренции, отказа от формальных признаков атрибуции и переоценки оснований статусов коммуникантов. При всей своей прогрессивности эта концепция также указывает на «смерть» формальной роли текста как авторского продукта.

Обсуждение текста все чаще уступает место обсуждению комментариев и интерпретациям. В то время как иерархия этих интерпретаций обеспечивается сетевым статусом актора, но не авторством текста или квалификацией эксперта. Следовательно, резонанс текста все менее обеспечен содержанием, все более тем, кем и в каком направлении развивается дискуссия по его поводу.

Существующие классификации текстовых функций сходятся в том, что текст должен запустить некую реакцию у реципиента. Эта функция получала именование «апеллятивной» еще у К. Бюлера [Бюлер, 1993, 58]. Впрочем, в своих исследованиях он доходит лишь до *опытного постижения* субъектом манипулятивной и речевой деятельности (он полагал, что ребенок начинает пользоваться словом бездумно, как обезьяна палкой), что в свое время вызвало критику Л.С. Выготского. Последний справедливо указывал, что существуют биологические и социальные детерминанты развития. В своей работе он не только указал на сущность природы влияния навыков на окружающий мир, но и привел принцип, заставляющий задействовать интеллект в поисках «обходного пути» [Выготский, Лурия, 1993, 44-54] ради достижения цели. В остальных случаях поведение выстраивается в соответствии с усвоенными прежде нормами, опытом и биологическими пресуппозициями. Единственное, чего не мог предположить Выготский, – того, что социум, прежде служивший основной причиной организации среды человека и выводящий его за пределы биологической природы, может под влиянием экономического детерминизма, вследствие ограниченности ресурсов и эффективного господства политической воли обратить свои пресуппозиции вспять. Теперь «обходной путь», т.е. развитие интеллектуального, креативного подхода в решении повседневных задач, остается уделом немногих, а массовая тенденция заключается в консолидации мнений.

Массовые коммуникации, которые реализуются в настоящем сетевым образом, имеют целью не допускать поисков обходного пути. Это легко понять и вполне можно оправдать тем, что коммуникативное пространство пресыщено актерами, а значит – чрезмерно конкурентно. Данная характеристика не имеет прямого отношения к перенаселенности нашей планеты или конгломерации в областях с повышенным качеством сетевого доступа (что лишь отчасти, но также затрагивает и проблему цифрового неравенства). Данное явление еще не получило убедительной характеристики в научном дискурсе. Оно отражает массовидное сетевое явление роста конкуренции и числа источников сообщений (самого присутствия акторов) в секторах наиболее активного роста локализации зон раппорта. Этими зонами стали интернет-площадки, набирающие наибольшее число фолловеров контент-лидеров. Всем известны теги их хостингов, но мало кто задумывается, что они, по сути, являются зонами некритичного формирования мнений.

В этой связи тексту будущего отведена роль стимула-триггера, т.е. побуждения сложно организованной информации – вернуться к роли сигнала, как это рассматривалось на заре теории коммуникаций. «Смерть», как трансформация роли, – текст постепенно утрачивает важнейшую, но уже архаичную – репрезентативную функцию представления реальности. Репрезентативная функция прежде реализовывалась в «апелляционной» через реакцию на то, о

чем сообщал текст. Теперь же каждый ищет в тексте свой личностный смысл, как стимул, благодаря которому формирует (кто?) свои собственные дискурсы, а также тематические и семантические направления комментирования. Эти изменения в функциональной структуре текста не позволяют говорить лишь об «апелляционной» или «побуждающей» функции. Поскольку функция побуждения реципиента генерализована в современном коммуникативном пространстве и определяет само право сообщения на существование, а не просто «апеллирует» к адресату, мы предлагаем рассматривать ее как «триггерную».

Если раньше через имманентную функцию текста мы могли вступать в резонанс, то сейчас ввиду информационной искушенности современного индивида (как побочного эффекта информационно-коммуникационного взрыва) каждый естественно порождает свой внутренний текст. Полярные же проявления современной сетевой коммуникации характеризует два типа реакции:

- 1) По принципу раппорта (однозначное принятие текста как «своего», что уничтожает атрибуцию текста через институт авторства). Происходит замещение исходного оригинального текста пересказом, интерпретацией. Наиболее популярные тексты закрепляются как «мемы» – лишённые авторства эмоциональные стимулы, «отточенные» множественным употреблением.
- 2) По принципу эпатажа. Приковать к себе внимание аудитории релизера и поднять свой статус (количество комментариев, лайков и пр.). Эпатажность в этом ключе выступает как показатель степени свободы от заданной реальности и присвоение следствий, которые текст способен задавать.

Количественный рост и усиливающее значение паралингвистических способов коммуникации, креолизованность современного текста требуют существенного переосмысления его лингвистической функции. В информационную эпоху тотальной медиатизации и цифровизации попытки создать из реальности текст обернулись обратной стороной: текст начал создавать свою реальность. Таким образом, оценка трансформации текста, организующей и определяющей новую коммуникационную среду, становится продолжением философского осмысления онтологии и метафизики бытия социума как элемента развивающегося цифрового пространства [Мамедов, Писарева, 2020, 4-17]. Исследования Дж. Буше [Boucher, 2009, 98-99] показывают, что дискурс, возникающий в результате отражения естественной социальной практики, представляет «синхроническую» структуру, то есть является подлинным отображением ее состояния в коммуникативной сфере. Дискурс же, рождающийся в результате действия «социальных агентов», т.е. неких лидеров мнений, определенных «политическим стечением обстоятельств», является результатом «непоследовательной практики» и «успешной артикуляции». Этот дискурс автор называет «диахроническим», т.е. историческим, – тем, который имеет временную протяженность, поскольку не отражает существующую социальную реальность, а активно воздействует на нее с непредсказуемыми из настоящего последствиями. Кроме синхронической и диахронической структур, ссылаясь на работы Э. Гидденса и К. Леледакиса, мы предлагаем учесть концепцию «измененной структуры», указывающей на отсутствие эквивалентности происходящих структурных перемен в идеологически мотивированных дискурсах. Таким образом, следует признать первичность текстовой деятельности в построении образа реальности по сравнению с ее непосредственным естественным отражением в сознании, в особенности в обстоятельствах, когда этот образ рассматривается как обусловленный временной протяженностью.

Отказ от традиционной текстовой деятельности связан с каждой из выделяемых функциональных характеристик текста, а именно:

- 1) С недостаточностью текста как средства репрезентации реальности. Отсюда направление развития в сторону гипертекста, позволяющего связывать между собой тексты независимо от их филогенетической основы. Отсюда феномен популярности Big Data как стремление работать с информационными базами, обладающими повышенной репрезентативностью по сравнению почти с любым текстом.
- 2) С уходом в прагматичность. Собственно, столетняя история этого ухода¹, вероятно, и привела к возникновению сетевой коммуникации. Как П. Вацлавик выявляет природу инаковости шизофреника как стремление не общаться [Вацлавик, Бивин, Джексон, 2000, 49], так и стремление общаться, которое отражает нормативное поведение, видимо, может быть удовлетворено в полном объеме только сетевыми коммуникациями. Вдохновлявший его Л. Витгенштейн говорит: «Я знаю, что слово означает в определенных контекстах» [Витгенштейн, 2005, 351]. Но что за контексты определяют восприятие в сетевых коммуникациях? Собственно, прагматические и/или аффективные. По этим направлениям и следует развитие филогенеза современного текста.
- 3) С импликацией функций. Глагольность как противопоставление предметности, поточность и нарративность коммуникационной среды, обусловившей «лингвистический поворот» (связанный с повышенным вниманием к семантике единицы языка). «Итогом этой тенденции стало, однако, то, что была пересмотрена одна из ключевых идей, лежащих в основе лингвистического поворота, именно, что главным объектом лингвистического анализа является предложение. ... Язык как главный объект анализа уступил место риторике с ее тропами и формами убеждения» [Грицкеви, 2006]. Здесь кроется еще одна характеристика, отражающая причину «смерти текста», а именно – «необходимо и достаточно». Импликация свидетельствует о снижении лингвистической избыточности, что также ведет к «смерти текста».

Вначале разъяснения того, как сегодня меняется возможность существования текста в зависимости от его способности являться контентом в сетевых коммуникациях, приведем философское размышление о контенте как сознании общества: «Все Общество в совокупности есть сознание, данное в своей неподлинности. Мы имеем в виду, что сознание, «материализованное» в виде Общества, не свидетельствует ничего, не подразумевает ничего, но является просто самодостаточным контентом, оттиском живой духовной реальности, которая на уровне Общества непосредственно не проявляется» [Джемаль, 2010, 112].

Уже из приведенной цитаты становится ясно, что известный и широко употребляемый термин «контент» имеет коннотации, отличающие его от безликого и рафинированного понятия «субстанция». Во-первых, контент – это проекция общественного или индивидуального сознания; во-вторых, кроме темы, объема и качества, которые, пожалуй, являются его основными атрибутами, существует характеристика, отражающая его модус. Модус контента – это отражение состояния того самого сознания, которое он представляет (или, в лучших традициях постмодерна, «качество отражения качества состояния»). В настоящее время сетевое

¹Речь о «лингвистическом повороте», о котором заговорили исследователи в 20-е годы XX в.

общество оперирует «прагматическим» контентом, который стал результатом того самого лингвистического поворота, о котором было сказано выше. Превращение атрибута в модус и есть генерализация какой-либо характеристики. Способность выступать в роли сетевого контента – основная витальная, а потому генерализованная характеристика текста. Текста, в самом широком его понимании, и главная причина его смерти в классическом понимании, текста – как информационной системы.

Причину такого положения вещей в данном случае определить однозначно невозможно. Но можно заметить, что информация, объединенная в систему, обладает внутренней непротиворечивостью и может быть подвергнута оценке как истинная или ложная. К сетевой информации такие характеристики применимы лишь с оговорками. Возможно, именно поэтому ей удается роль триггера – некритично воспринимаемых сообщений, возможно, поэтому борьба с «фейками» так актуальна и так неуспешна.

Заключение

Современная трансформация роли и качества текста в общественном сетевом дискурсе была подготовлена историческими процессами первых двух десятилетий прошлого века: перемещение народов, освобождение многих государств от традиционных устоев, научно-технический прогресс. Эти явления запустили процессы интенсификации межкультурных коммуникаций, приведших ко всему спектру глобализационных процессов, в том числе, к появлению самой сети Интернет. Новые возможности вызвали к жизни новые правила. Традиционные тексты, особенно в своей способности фиксировать социальный опыт, утратили прежнее значение. Наиболее существенными характеристиками современной коммуникативной среды, ставшими «могильщиками» текста, стали полигональность, триггерность, контентность. Наблюдаемые трансформации в области текстовой деятельности, помимо очевидных угроз, закладывают фундамент, пожалуй, для качественного преобразования общественного сознания и способов организации мышления в человеческом сообществе.

Библиография

1. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 1993. 528 с.
2. Вацлавик П., Бивин Д., Джексон Д. Прагматика человеческих коммуникаций. М.: АПРЕЛЬ-Пресс: ЭКСМО-Пресс, 2000. 311 с.
3. Витгенштейн Л. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. 440 с.
4. Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 224 с.
5. Голикова Т.А. Основные тенденции формирования современной русской политической картины мира // Язык и текст. 2019. Т. 6. № 3. С. 43-50.
6. Грицкевич Н.Н. «Понятие «нарратив» в современной лингвистике. Нарратив как особая разновидность текста». URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=4564.
7. Джемаль Г.Д. Дауд vs Джалут (Давид против Голиафа). М.: Социально-политическая мысль, 2010. 388 с.
8. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. М.: Высшая школа, 1980. 224 с.
9. Мамедов А.К., Писарева Л.К. Метаморфозы цифрового общества: трудности роста и риски // Социология. 2020. № 3. С. 4-17.
10. Семенов В., Исаков А. Философское творчество: между Сциллой традиции и Харибдой авангарда // Вопросы философии. 2004. № 4. С. 47-53.
11. Терентьева И.Н. Сетевые коммуникации: новая реальность управления // Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2016. № 4. С. 23-27.
12. Boucher G. The Charmed Circle of Ideology: A Critique of Laclau and Mouffe, Butler and Žižek. Re.Press, 2009. 275 p.

Death of the text as a marker of the loss of meaning and code of modern culture

Agamali K. Mamedov

Doctor of Sociology, Professor,
Head of the Department of sociology of communication systems,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1 Leninskie gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: akmnauka@yandex.ru

Abstract

The article modulates the understanding of the "death" of a text as its deconstruction, fragmentation and simplification, when the text becomes a signal instead of a message. Author's concept also examines more modern transformations of its role and systemic organization, leading to symbolic "death" through complication and transition to hypertext, as well as the reasons for the transformation of the message text into a narrative and into a participant in intertextual relations; final departure into the pragmatic aspect of information exchange in various fields. Without the "death of the text," a ritualized act under the dominance of network forms of communication, its inclusion in the space of network content is impossible. In the modern communication space, after publication, a text has only two options: either it is interpreted and retransmitted in such a form that inevitably leads to content inflation; or archived, which is tantamount to his "funeral." In any of the options, this is tantamount to the "death" of the original author's text. Speaking about the "death of the text", the author means the transformation of that very general concept (communicative intention) that determines the functionality of modern textual activity. The leading characteristics of current information as a unit of communication are its trigger (motivating) potential and the ability to act as network content (liquidity). Features that characterize the text in the traditional sense (coherence, integrity, i.e. the ability to demonstrate the qualities of the "system") gradually lose importance in social practice.

For citation

Mamedov A.K. (2023) Smert' teksta kak marker poteri smyslov i koda sovremennoi kul'tury [Death of the text as a marker of the loss of meaning and code of modern culture]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 13 (8A), pp. 80-89. DOI: 10.34670/AR.2023.66.38.010

Keywords

Text, message, hypertext, intertextuality, pragmatics, network communications, information, deconstruction, network text, text activity.

References

1. Boucher G. (2009) *The Charmed Circle of Ideology: A Critique of Laclau and Mouffe, Butler and Žižek*. Re.Press Publ.
2. Byuler K. (1993) *Teoriya yazyka. Representativnaya funktsiya yazyka* [Theory of language. Representative function of language]. Moscow: Progress, Publ.
3. Dridze T.M. (1980) *Yazyk i sotsial'naya psikhologiya* [Language and social psychology]. Moscow: Vysshaya shkola Publ.

4. Dzhemal' G.D. (2010) Daud vs Dzhalut (David protiv Goliafa) [Daoud vs Jalut (David vs Goliath)]. Moscow: Sotsial'no-politicheskaya mysl' Publ.
5. Golikova T.A. (2019) Osnovnye tendentsii formirovaniya sovremennoi russkoi politicheskoi kartiny mira [Main trends in the formation of the modern Russian political picture of the world]. Yazyk i tekst [Language and text], 6 (3), pp. 43-50.
6. Gritskevich N.N. «Ponyatie «narrativ» v sovremennoi lingvistike. Narrativ kak osobaya raznovidnost' teksta» [The concept of “narrative” in modern linguistics. Narrative as a special type of text.]. Available at: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=4564 [Accessed 12/06/2023].
7. Mamedov A.K., Pisareva L.K. (2020) Metamorfozy tsifrovogo obshchestva: trudnosti rosta i riski [Metamorphoses of digital society: difficulties of growth and risks]. Sotsiologiya [Sociology], 3, pp. 4-17.
8. Semenov V., Isakov A. (2004) Filosofskoe tvorchestvo: mezhdru Stsiloi traditsii i Kharibdoi avangarda [Philosophical creativity: between the Scylla of tradition and Charybdis of the avant-garde]. Voprosy filosofii [Questions of Philosophy], 4, pp. 47-53.
9. Terent'eva I.N. (2016) Setevye kommunikatsii: novaya real'nost' upravleniya [Network communications: a new reality of management]. Upravlenie v sotsial'nykh sistemakh. Kommunikativnye tekhnologii [Management in social systems. Communication technologies], 4, pp. 23-27.
10. Vatslavik P., Bivin D., Dzhekson D. (2000) Pragmatika chelovecheskikh kommunikatsii [Pragmatics of human communications]. Moscow: APREL"-Press: EKSMO-Press Publ.
11. Vitgenshtein L. (2005) Izbrannye raboty [Selected works]. Moscow: Territoriya budushchego Publ.
12. Vygotskii L.S., Luriya A.R. (1993) Etyudy po istorii povedeniya: Obez'yana. Primitiv. Rebenok [Sketches on the history of behavior: Monkey. Primitive. Child]. Moscow: Pedagogika-Press Publ.